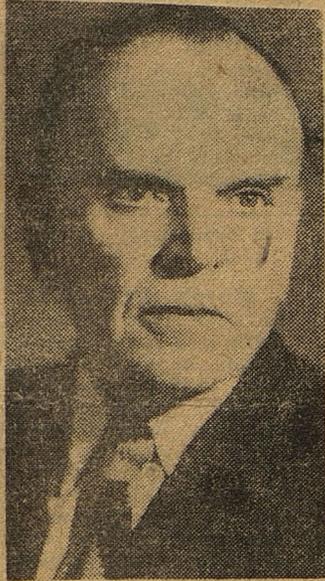


30 мая 1982 г., № 10 (12035)

ВОЛШЕБНАЯ РОЗА

К 90-летию К. Г. Паустовского



...Жил когда-то на свете старый солдат Жан Шамет. Однажды он рассказал маленькой девочке Сюзанне легенду о золотой розе, которая приносит счастье каждому, кто к ней прикоснется. Судьба надолго разлучила Шамета и Сюзанну. Жан в поисках куска хлеба стал мусорщиком и жил в ветхой лачуге на окраине Парижа. Сюзанна стала взрослой девушкой, испытала любовь и разочарование, но не забыла легенду о золотой розе. Через много лет эти люди встретились. Чтобы сделать Сюзанну счастливой, Жан начал бережно собирать золотую пыль в ювелирных мастерских. Когда золотого порошка скопилось много, Шамет отдал его ювелиру, и тот выковал из него чудесную золотую розу. Но Жан умер, так и не встретив больше Сюзанну.

Так начинается одна из лучших книг Константина Георгиевича Паустовского «Золотая роза». Книга об искусстве, удивительная и своеобразная, которую сам писатель назвал путешествием по малоизвестной стране, где на каждом шагу открываются новые дали и дороги.

Сравнение книги с путешествием не случайно. В одном из юношеских стихотворений Паустовского есть такая строч-

ка: «я полюбил наркозы стран далеких...». И действительно, Паустовский всю жизнь находился под «наркозом» поездок и путешествий. Где только не пришлось ему побывать! Родился он в Москве, учился в киевской гимназии, работал газетчиком в Одессе и Батуми, побывал на Кавказе, в Крыму, в Карелии, совершил проездку вокруг Европы, познакомился с Болгарией и Италией — всего не перечтешь. Недаром одна из его книг так и называется «Книга скитаний».

Муза дальних странствий всегда влекла сердце Паустовского, потому что он владел удивительным даром — открывать заново города и поселки, неведомые дали и примелькавшиеся тропки, давно знакомые реки, ручьи и протоки, по-новому слышать шум деревьев и пенье птиц. Не случайно он страстно любил блоковское:

Сотри случайные черты,
И ты увидишь —
жизнь прекрасна...

Паустовский великолепно умеет это — стереть случайное, чтобы замереть перед открывшейся красотой и поэзией жизни. Они запечатлены им в самых разных произведениях — в рассказах, повестях, романах, сказках, статьях, сценариях. Его перу властно были и биографическая повесть, и краеведческий очерк, и пьеса. Но везде он прежде всего чувствовал себя «лириком по складу своей души, по самой строчечной сути». Поэт по мировосприятию, рыцарь мечты и романтики, Паустовский еще в юности воспринял совет своего любимого Бунина, что его настоящая поэзия — в прозе. И появляются в двадцатые годы его многочисленные повести, рассказы, «Романтики» и «Блистающие облака». В них возникают перед читателем необыкновенные страны, в которых живут люди, переливающиеся в городах из каштановых листьев, люди, преобразующие своей фантазией унылые будни

в сказочный, волшебный мир.

Сама жизнь будет щедро дарить Паустовскому встречи с удивительными людьми, которые превращают пустыни в цветущие сады («Кара-Бугаз»), осушают древние земли Кавказа («Колхида»), сражаются за великие русские леса и приближение золотого века («Повесть о лесах»).

И где бы ни жили герои Паустовского — на берегах Тамириды или в Таганроге, в далекой Бразилии, или в Москве, они не забывают о своей родине, о русской земле, их породившей и вскормившей. В творчестве писателя понятие Родины неотделимо от русской природы. Вчитаемся в эти сокровенные исповедальные строки: «То место, о котором я хочу рассказать, называется скромно, как и многие величественные места в России: Ильинский омут. Для меня это название звучит не хуже, чем Бейзин дуг или Золотой — плес около Кипешми... Такие места наполняют нас душевной легкостью и благоговением перед красотой своей земли, перед русской красотой... Нет! Человеку никак нельзя жить без родины, как нельзя жить без сердца». Тонкий ценитель и знаток природы, Паустовский с глубоким лиризмом запечатлел скромную прелесть среднерусских пейзажей, их неяркое солнце, приглушенные краски, рассеянный свет («Мещерская сторона»). Недаром Паустовского называют одним из лучших пейзажистов нашей литературы, ставя его в один ряд с Тургеневым, Бунинным, Фетом. Часто его пейзажные зарисовки сравнивают с произведениями живописца, созданными посредством слова. Критик А. Роскин писал о пейзажах Паустовского, что «их можно бы вешать на стену, если бы для подобных картин существовали рамы и гвозди».

Увидеть в обыкновенной, на первый взгляд скучной российской природе тончайшие переливы красок, их неугре-

нее сияние помогла писателю живопись Левитана. Паустовский часто говорил о великом влиянии на его творчество поэзии, живописи и музыки. Глубокое их изучение и понимание, по его словам, способствуют обогащению души, вызывают целый рой мыслей, образов, ассоциаций и помогают увидеть жизнь по-новому, свежими глазами. Поэтому с такой благодарностью и преклонением перед чужим талантом писал Паустовский о Ван Гоге и Андерсене, Кипренском и Лермонтове, Чайковском и Шиллере, Багряком и Олеше, Бабеле и Киплинге. Творчество этих и многих других людей вошло в сердце и память писателя и осело там подобно драгоценной золотой пыли. Вспомните строчки из «Золотой розы»: «Каждая минута, каждое брошенное незначай слово и взгляд, каждое незаметное движение человеческого сердца, так же, как летучий пух тополей или огонь звезды в ночной дуге — все это крупицы золотой пыли».

Мы, литераторы, извлекаем их десятилетиями, эти миллионы песчинок, собираем незаметно для самих себя, превращаем в слезы и потом выковываем из этого сплава свою «золотую розу» — повесть, роман или поэму».

Все творчество Паустовского — это золотая роза, создаваемая более пятидесяти лет любящими, бережными руками Мастера из красоты, развиваясь по всему миру, подобно золотой пыли. Прикоснитесь сердцем к этой золотой розе, окупите в нее лицо — и вы почувствуете аромат цветущих каштанов и жар пустыни, прохладу ночного Парижа и соленые морские брызги, запах прибитой дождем пыли и чистый воздух лесов.

Т. КЛИМЕНКОВА,
преподаватель культуры-
светотехники.